1907 г. № 1-й. 2-й годъ изданія.

Цѣна 5 коп.

Цѣна 10 к.

Сатирическій ЖУРНАЛЪ

ЯРОСЛАВСКАЯ КОЛОТУШКА

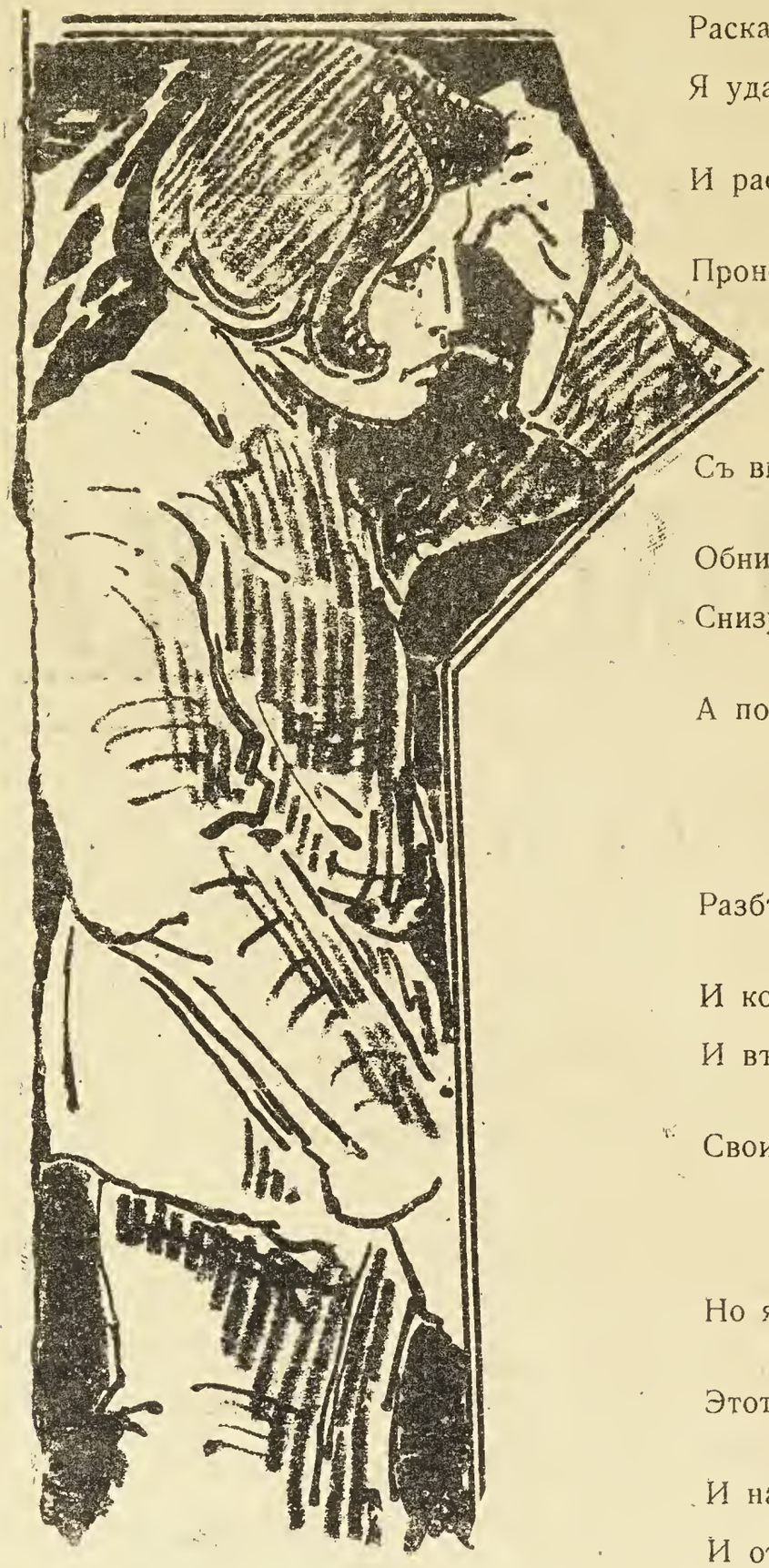
БЛИЗОКЪ ЧАСЪ.

Близокъ часъ, часъ—великаго гнѣва...
Берегись:
Я ужъ слышу, какъ громкіе звуки напѣва,
Точно брызги прибоя, и справа, и слѣва
Рвутся въ высь.
Все, чему вѣрилъ ты, какъ твердынѣ,
Нынѣ—прахъ.
И да будетъ тебѣ, новый Каинъ, отнынѣ
Вѣчнымъ спутникомъ въ этой безводной
пустынѣ
Только страхъ.

М. БЫКОВСКІЙ.

ИЗ КНИГ
И. Мартынова

ЗВОНАРЬ.



Раскачавши тяжелый желѣзный языкъ,
Я ударю имъ въ мѣдную грудь великана,—
И расколется грудь, и надъ мутью тумана
Пронесется далеко пронзительный крикъ:
„Мы горимъ!..“

———

Съ высоты колокольни старинной мой взглядъ
Обнимаетъ домовъ и церквей силуэты,
Снизу всѣ они въ дымку тумана одѣты,
А по крышамъ багровыя пятна скользятъ...
„Мы горимъ!..“

———

Разбѣгаются вдаль темныхъ зданій ряды
И колодцы-дворы открываются взору.
И въ тревогѣ нѣмой протянули къ собору
Свои голые, черные сучья сады:
„Мы горимъ!..“

———

Но я вѣрю: разбудитъ весь городъ набатъ—
Этотъ крикъ изъ великой надорванной груди—
И на общее дѣло откликнутся люди,
И отвѣтятъ на мой вопрошающій взглядъ:
„Отстоимъ!“

М. Быковскій.

МАТЕРЬЯЛЫ

для біографическаго словаря знаменитыхъ современниковъ (ярославцевъ).

Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу.

А. Пушкинъ.

А.

Адамчевскій В. Н. Занятъ не столько инспектированіемъ мѣстъ заключенія, сколько развитіемъ собственной мускулатуры. „Выжимаетъ“ неимовѣрное количество килограммовъ. Занимается также усердно „спортомъ“. Имѣетъ собственный „шорный выѣздъ“, „англинизированнаго“ коня и чрезвычайно „стильные“ экипажи. Обыкновенно на прогулкахъ самъ правитъ и вообще много содѣйствуетъ привитію городу Ярославлю культурной, „европеизированной“ внѣшности. У всякаго своя манера веселиться.

Арцибашевъ Н. А. Предсѣдатель уѣздной Мологской земской управы. Знаменитый спиритъ, убѣжденный адептъ „оккультизма“ и тайныхъ наукъ, искусный гипнотизеръ, дѣйствующій „внушеніемъ“, талантливый художникъ портретистъ, актеръ и декламаторъ. Для уѣзднаго земства это, какъ будто, ужъ и слишкомъ... Злые языки утверждаютъ, что, какъ общественный дѣятель, онъ самъ постоянно находится подъ чужимъ „внушеніемъ“, что портреты его работы напоминаютъ скорѣе „матеріализированныхъ духовъ“, чѣмъ живыхъ людей, и что декламація его имѣетъ „гипнотическое“ свойство нагонять сонныя грезы на всѣхъ слушателей.

Б.

Берендтсъ Э. Н. Былъ когда то „краснымъ солнышкомъ“ Демидовскаго юридическаго лицея. Обѣщалъ и „грѣть“ и „свѣтить“. Но, увы! въ этомъ мірѣ все непрочно. Солнышку указанъ былъ путь на западъ, въ предѣлы финскихъ хладныхъ скалъ и оно для насъ, ярославцевъ, временно закатилось. Когда же вновь оно появилось на нашемъ горизонтѣ, на высокомъ и отвѣтственномъ посту, всѣ вдругъ увидали, что это вовсе не солнце и даже не фонарь, а просто чадная, сальная плошка изъ тѣхъ, что въ провинціальныхъ городахъ зажигаютъ для иллюминаціи въ высокоторжественные дни, что она способна лишь коптить небо, пускать ѣдкій дымъ въ глаза, да издавать специфическій ароматъ во вкусѣ казеннаго патріотизма „оффиціальной народности“, „умѣренной аккуратности“ и принциповъ союза 17 октября.

Бернатскій А. Т. Секретарь Городской Думы. „Думы“ безъ „головы“ не бываетъ. Но „голова“ головой, а и шея вещь важная: куда захочетъ, туда и голову поворотитъ. Говорятъ, что служащіе, подчиненные секретарю, почему то любятъ повторять общераспространенныя поговорки: „Лисій хвостъ да волчьи зубы“ „Мягко стелетъ—жестко спать“.

В.

Вахрамѣевъ И. А. Основатель и собиратель замѣчательнаго хранилища старинныхъ рукописей, открытаго только для собственнаго, единоличнаго пользованія самого хозяина. Бывши городскимъ головой, способствовалъ много украшенію и благоустройству города разведеніемъ сада на Ильинской площади, близъ своего дома, передъ своими окнами, устройствомъ тамъ же электрическаго освѣщенія и т. д. и т. п. Недавно онъ принужденъ былъ напечатать въ мѣстной газетѣ опровержительное объявленіе, имѣющее такой смыслъ приблизительно: „не взирая на народное бѣдствіе и не поколебленный состраданіемъ, я оставляю прежнюю цѣну на муку ржаную и соль пермскую.

Власьевъ С. С. Членъ губернской земской управы. Илья Муромецъ „сиднемъ сидѣлъ“ трицать лѣтъ, потомъ всталъ и совершилъ великія и славныя дѣла. С. С. по этому легендарному примѣру, намѣренъ, кажется, такой же срокъ „лежнемъ пролежать“. Лежитъ себѣ на боку да полеживаетъ, силы прикапливаетъ, будущіе подвиги богатырскіе обдумываетъ, проекты разнообразные выдумываетъ. Напримѣръ,—подводную лодку, движимую perpetuum mobile, подволжскій туннель для спуска нечистотъ изъ Ярославля въ Тверицы, несгораемыя постройки для деревни, непромокаемый порохъ, неразмѣнный рубль для благополучной расплаты съ кредиторами.

XXX.

Новыя поговорки, пословицы и загадки.

Стрѣлянаго обывателя на „октябристкой“ мякинѣ не проведешь.

———

Безъ сброда нѣтъ союза „русскаго“ народа.

———

У „Вѣче“ однѣ рѣчи: „давай картечи!“

———

Для министровъ—злаки, а для насъ—казаки.

———

Тебѣ Аника—всегда клубника; а намъ Аника—одна брусника.

———

Не великъ господинъ — всего съ апельсинъ, а когда умираетъ, — страшенъ бываетъ.

———

Весь въ голубомъ, съ краснымъ лбомъ, всѣ его боятся, апельсины ему снятся.

Бобикъ.

Изъ пѣсенъ о фабрикѣ.

(Во время обѣда).

Здѣсь сытый голоднаго разумѣетъ.
По толпѣ идетъ воззваніе,
Безработнымъ ладятъ сборъ.
Чѣмъ скромнѣе подаяніе,
Тѣмъ добрѣй дающихъ взоръ.
Заработанному, мѣдному
Пятаку цѣна повышена.
„Помоги, кто можетъ, бѣдному!..“
Рѣчь воззванія услышана.
Нанесла толпа семишниковъ,
Духомъ бодрствуетъ не падаетъ.
Что тутъ нѣтъ лепты барышниковъ,
Это только ее радуетъ.
Кругъ товарищей бесѣдуетъ,
Онъ ведетъ бесѣду спорную,
Какъ, куда направить слѣдуетъ
Помощь братскую и кровную?
Рѣшено. Рѣшенью придали
Волю всей толпы понятную,
Чтобъ сейчасъ, немедля, выдали
Помощь, помощь безвозвратную,
Семьямъ, гдѣ трудомъ надломлены,
Никакой, ни въ чемъ, нѣтъ достали,
Гдѣ дѣтишки не докормлены,
А ихъ матери не доспали.

Андрей Лѣвый.

Медальоны.

I.

Вотъ онъ—выбритъ для порядка,
На затылкѣ пробранъ рядъ,
Говоритъ довольно гладко,
Какъ завзятый бюрократъ...
Убѣжденья—знакъ вопроса.
(Въ этой части скроменъ онъ).
Не забудешь формы носа—
Мягкій, словно шампиньонъ.
Либералъ изъ либераловъ;
Хоть въ глазахъ начальства чистъ.
Это—докторъ Кошкадраловъ
Знаменитый октябристъ.

Ст. Гр.

МЕЛОЧИ.

(Изъ подслушанныхъ разговоровъ).

1.

— Въ Думѣ-то Государственной оказывается три полноправныхъ хозяина домоправительствуютъ: Предсѣдатель Думы, Предсѣдатель Совѣта министровъ и Начальникъ Думской охраны.

— Ну что-же такое, три? Этого еще мало по грѣхамъ нашимъ; больше-бы надо...

— Какъ больше? Сколько-же по вашему надо?

— Да по крайней мѣрѣ семь...

— Почему семь...

— А по пословицѣ: „У семи нянекъ!..“

2.

— Слышали, Верховой утверждалъ на предвыборномъ собраніи, что Союзъ 17 октября состоитъ изъ однихъ только *„сытыхъ“*.

— Какой вздоръ, я видѣлъ на этомъ самомъ собраніи среди октябристовъ—*Несытова.*

3.

— Скажите пожалуйста, почему это Блатова вторые выборы подъ рядъ забаллотировали въ депутаты.

— А потому толстъ онъ очень, дороденъ...

— !??!

— Да никакъ не можетъ на одномъ стулѣ помѣститься, все норовитъ между двухъ сѣсть.

4.

— Однако на бѣднаго Макара всѣ шишки валятся. Читали въ „Сѣверной Рѣчи“, какъ завѣдующему земскимъ статистическимъ бюро достается... Тяжеленько.

— Что такому крѣпышу сдѣлается—не бойсь, выдержитъ.

Обыватель изъ Енисейска.

Они собирались.

Они собирались медленно.

Старые, шамкающіе, большею частью злые, съ бритыми подбородками, они напоминали старыхъ, беззубыхъ волковъ, которые по привычкѣ ляскаютъ своими челюстями.

Когда ихъ собралось довольно много, то предсѣдатель этого страннаго собранія сказалъ:

— Изъ числа членовъ выбыло восемь штукъ.

И выраженіе — „восемь штукъ“—никому не показалось страннымъ: они были и на самомъ дѣлѣ только „штуками“.

— Только-то! — прошамкалъ старикъ въ синихъ очкахъ.

— Да, — отвѣтилъ предсѣдатель,—на этотъ разъ мало.

— Соболѣзнованіе, того, надо...

— Пошлемъ...

И вдругъ гдѣ-то въ глубинѣ зала раздалось сиплое, крикливое—„ура!“

— Прорвало... Навѣрное, Константинъ—это.

— А то кому-же.

— ...Ишь-ты!—еще скрипитъ.

— А не пора-ли и домой,— заявилъ предсѣдатель. — Ужъ поздно...

— Ѣхать, такъ ѣхать... Пойдемте, — раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Эхъ-хе-хе!

И они чинно стали выходить.

И когда вышли, лакеи открыли всѣ форточки.

— Ишь ихъ,—сказалъ молодой лакей.

— Открывай, открывай, — а то очумѣешь, — сердито крикнулъ другой, постарше.

Черезъ полчаса воздухъ, ворвавшійся нѣсколькими струями, очистилъ помѣщеніе; а солнечные лучи заиграли на стѣнахъ зала разноцвѣтными зайчиками.

Бобикъ.

Пѣсня о вѣщемъ мнихѣ Иліодорѣ.

Чуть-чуть не по Пушкину.

Какъ нынѣ сбирается черный монахъ
Отмстить графу Витте, Сергѣю:
Онъ хочетъ, чтобъ графъ тотъ во всѣхъ орденахъ
Повѣшенъ въ Москвѣ былъ за шею.
Мерещится мниху: соборный синклитъ
У лобнаго мѣста собрался,
Съ Иванъ-колокольни звонъ громко гудитъ
И графъ на помостъ ужъ поднялся;
На немъ—изъ парчи дорогой лапсердакъ,
На маковкѣ лысой—корона;
Кругомъ милліоны московскихъ зѣвакъ,—
Не сыщешь пустого балкона.
Столбы выбиралъ самъ почтеннѣйшій мнихъ
Изъ лучшей, отборной осины;
За каждый—подумайте только!—изъ нихъ
Платилъ по пяти онъ съ полтиной;
Но лучше столбовъ выбранъ былъ перекладъ:
Ядреный, безъ сучьевъ, толстущій,
Не просто осина, а истинный кладъ
Изъ князя Щербатова пущи.
Веревку Амалія—Карла Грингмутъ
Купилъ на „союзные“ гроши
И „*кстати*“—чего церемониться тутъ!—
Себѣ вицъ-мундиръ и галоши.
Крючекъ выбиралъ знаменитый Шмаковъ
Изъ лучшой шлифованной стали;
А группа громилъ и россійскихъ шпиковъ
Казанскаго мыла достали.
И вотъ, стоитъ графъ... передъ графомъ—палачъ...
А сзади, вблизи эшафота,—
Дубровинъ, Юшкевичъ, Тришатный, Барачъ
И хитровцевъ цѣлая рота.
Владыко, горѣ свои очи поднявъ,
Смиренно народу вѣщаетъ:
— „Сей Витте, сей хитрый, безбожнѣйшій графъ
Сейчасъ прелесть петли узнаетъ...
А ты, мое чадо,—онъ кату*) сказалъ—
Свершишь сейчасъ славное дѣло:
Расколешь сей утлый, хрустальный фіалъ
Со вкусомъ, неспѣшно, умѣло“...
И, шаркнувши правою ножкой, палачъ
Надѣлъ графу петлю на шею...

. . . . . .

И шепчетъ монаху статистикъ Барачъ:
—„Капутъ теперь графу Сергѣю.

Такъ графа собрался недавно казнить
Монахъ изъ газетины „Вѣче“.
— „И что-же—газету велѣли закрыть?“
— „Ахъ, что ты сказалъ, человѣче!..“

Старый Микель.

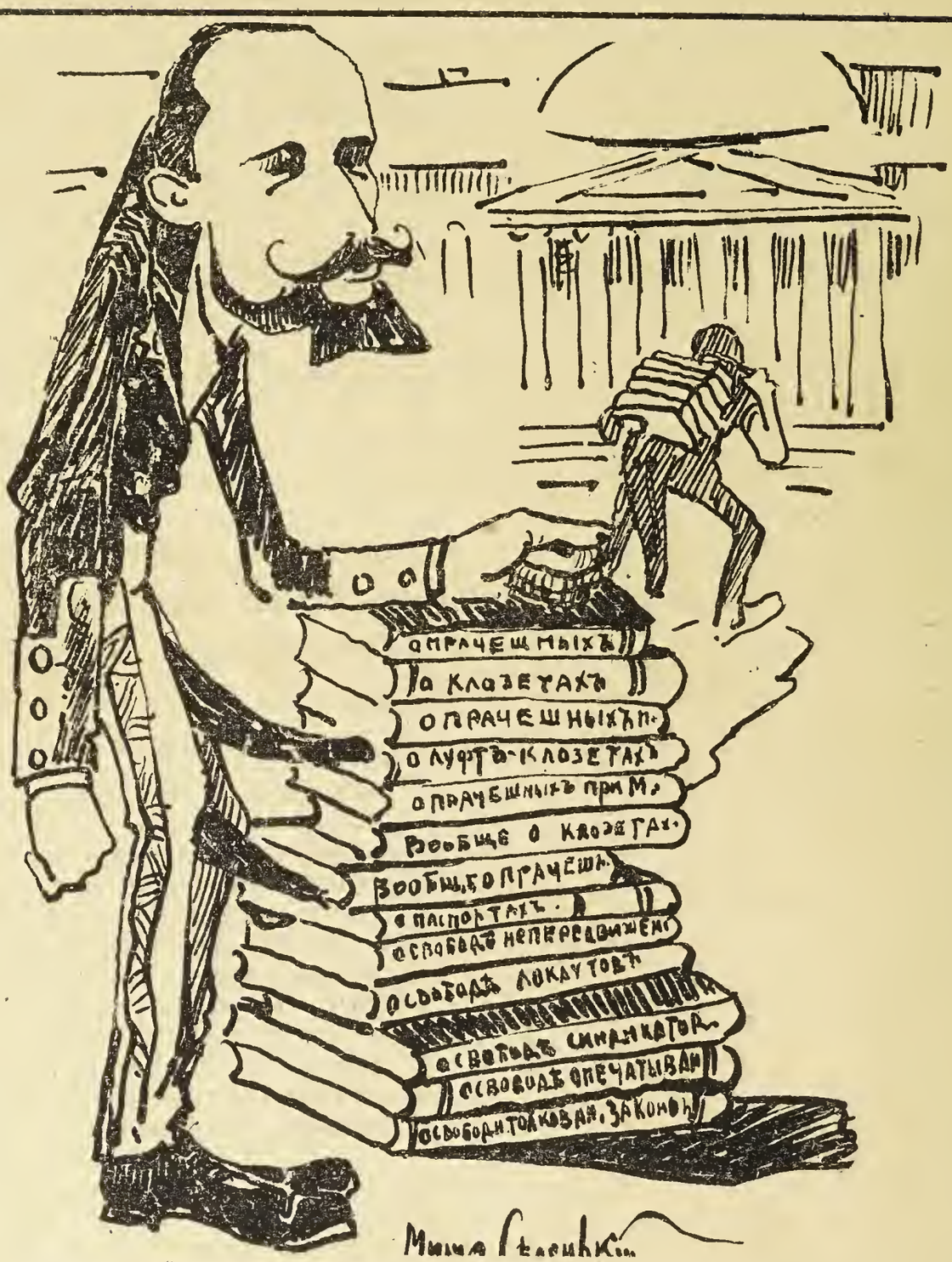
*) Катами называли въ старину палечей.

Отрывокъ изъ разговора въ Управѣ двухъ служащихъ въ статистическомъ отдѣлѣ.

(По „Борису Годунову“—А. С. Пушкина)

Старшій (продолжая начатую рѣчь).
...А что мнѣ было дѣлать?
Сказать все предсѣдателю, но онъ
На все глядѣлъ воззрѣньями Крѣпыша,
О всемъ судилъ сужденьями Крѣпыша.
Пускай его-бъ увѣрилъ я во всемъ,
Крѣпышъ тотчасъ его-бъ разувѣрилъ,
А тамъ бы мнѣ грозила непріятность,
Въ недобрый часъ сухіе разговоры,
Холодности въ товарищей средѣ.
Не хвастаюсь, а въ случаѣ, конечно,
Готовъ я смѣло выступить впередъ
И безъ надеждъ, безъ шансовъ выставлять
Свою кандидатуру въ депутаты.
Я самъ не трусъ, но также не глупецъ
И безънужды съ протестомъ не суюся.
Младшій (просматривая докладъ).
Ужасная нелѣпость. Видно ясно—
Докладчикъ съ дѣломъ справиться не можетъ
И надо ждать, что въ этомъ убѣдясь,
Откажется отъ должности онъ скоро.
Старшій.
Перешагнетъ; Крѣпышъ не такъ то робокъ.
Какая честь для насъ, для земскаго бюро!
Оцѣночникъ, изъ Костромы пришедшій
Вслѣдъ Барача и самъ въ душѣ Барачъ,
Начнетъ въ бюро самодержавно править.

Яковъ Левъ.



— Ну, вотъ и займитесь, миленькіе! А я тѣмъ временемъ вамъ еще подвалю.

Изъ записной книжки моего дѣда.

Аще ты слышишь человѣка, приватъ-доцентомъ именуемаго и въ партіи кадетской состоящаго, коій объ автономіи окраинъ зѣло распинается и удержу своему словоизверженію не находитъ, то, дабы остановить его, рци ему громко:

— А почему вы—профессора и доценты, всѣ кадетствующіе отъ младыхъ лѣтъ,—въ своемъ Демидовскомъ лицеѣ такую ввели автономію, коя канцеляріей господина частнаго пристава отзывается и въ коей демократичности партіи вашей столько, что ни чрезъ какую трубу увеличительную оной не отыщешь?

Когда говорятъ тебѣ:

— На, выкуси!

То вспоминай россійскіе основные законы и преславнаго графа Сергія Юльевича Витте.

Сообщилъ Сычъ-Дѣшанинъ.

Ярославль. Тип.-лит. насл. Э. Г. Фалькъ. Ред.-издатель В. Г. Купріяновъ.

1907 г. № 2-й 2-й годъ изданія.

Цѣна 5 к.

Сатирическій

ЯРОСЛАВСКАЯ ЖУРНАЛЪ КОЛОТУШКА

Мысли депутата.

(ВОЛЬНОЕ ПОДРАЖАНІЕ).

Брожу-ли я по кулуарамъ шумнымъ
Вхожу-ль во многолюдный залъ,
Сижу-ль подъ взорами охранки тупоумной,
Въ моихъ мечтахъ витаетъ выборгскій вокзалъ.

Я говорю: промчится день за днемъ,
И сколько здѣсь ни видно насъ,—
Мы всѣ подъ сводъ тюрьмы сойдемъ
И чей-нибудь ужъ близокъ часъ.

Увижу-ль я столыпинскій портфель,
Я смыслю:—міра укротитель,
Ты не одинъ еще успѣешь выкинуть фортель,
Пока тебя не смѣнитъ новый усмиритель...

Иль, если гимназистика ласкаю,
Мысль страшная царитъ ужъ въ головѣ:
„Прощай!..“ я мѣсто уступаю,
Пора тебѣ быть въ Думѣ; мнѣ—въ тюрьмѣ.

Смотрю-ли я, на маленькій домокъ,
Я думаю: десятокъ Думъ въ Россіи соберется,
Но не обвалится твой ветхій потолокъ
И умереть тамъ депутатамъ не придется...

В. Р.

Изъ подслушанныхъ разговоровъ.

1.

— Давненько не бывалъ я въ Петербургѣ; совсѣмъ забылъ расположеніе его. Скажите, батенька, гдѣ это помѣщается Государственная Дума?

— Въ Таврическомъ дворцѣ.

— Это я знаю, да дворецъ-то этотъ гдѣ?

— А на Шпалерной улицѣ, за Таврическимъ садомъ.

— Не помню, не помню, гдѣ это Шпалерная?

— Ну, окружный судъ на Литейной знаете?

— Окружный судъ знаю, еще тутъ гдѣ-то близко домъ предварительнаго заключенія.

— Ну вотъ, вотъ. Если вы съ Литейной, пройдя окружный судъ, повернете направо, это и будетъ Шпалерная.

— Такъ, такъ. А Таврическій-то садъ гдѣ?

— Аракчеевскія казармы помните? такъ немного не доходя.

— Нѣтъ, не припоминаю.

— Ну Кавалергардскія казармы?такъ какъ разъ пройдя ихъ.

— И Кавалергардскихъ не помню.

— Какъ-же я объясню вамъ?.. Тутъ все со всѣхъ сторонъ казармы, Таврическій дворецъ посередкѣ, слѣва Аракчеевскія, сзади Преображенскія, а справа Кавалергардскія... Да, вотъ еще: водокачку водопроводную у Ковша помните? такъ она почти напротивъ Дворца.

— Нѣтъ, не представляю себѣ гдѣ она.

— Ахъ, ты Боже мой! Да на берегу же Невы, какъ разъ напротивъ Крестовъ!

— Крестовъ! Знаю, знаю. Такъ бы вы и говорили!

2.

Сторожа у дверей земскаго собранія.

— Чего это тамъ зашумѣли?

— Извѣстно чего, господа разспорились.

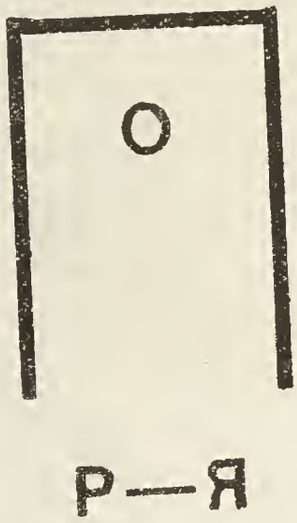
— Смѣются!..

— А это г. Шубинъ что то скрушеванилъ.

Обыватель изъ Енисейска.

МЕЛОЧЬ.

— Живи и жить давай другимъ, — сказалъ инженеръ Гольденвейзеръ и выдалъ чеки подрядчикамъ Хореву и Рябову на полученіе денегъ съ ярославской дороги за не произведенныя работы.



ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ГАЗЕТА

„СѢВЕРНЫЙ КУРЬЕРЪ“.

выходитъ въ Ярославлѣ ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

Газета КОНФИСКУЕТСЯ не каждый день.

Миша Сваенький
НАРОДНЫЕ „ПЕЧАРЬНИКИ“.

МАТЕРІАЛЫ

для біографическаго словаря знаменитыхъ современниковъ (ярославцевъ).

(ПРОДОЛЖЕНІЕ).

Волковъ А. А. Типичный представитель породы. Крупный, чисто-кровный во всѣхъ статьяхъ. Великолѣпная внѣшность. Властный тонъ. Великосвѣтскія манеры. Внутреннія качества, моральныя и умственныя не вполнѣ соотвѣтствуютъ внѣшнимъ. Да кому какое дѣло до качествъ внутреннихъ? Но какъ онъ милъ, когда онъ въ духѣ. Онъ обладаетъ незамѣнимыми талантами для оживленія общества. Способенъ пить, какъ губка. Поетъ цыганскіе романсы, какъ будто родился въ таборѣ. Прежде украшалъ собою какой-то гвардейскій полкъ, нынѣ— одинъ изъ нашихъ уѣздовъ, знаменитой чистой „Романовской“ породой.

Волковъ А. В. Того-же рода, да другого разбора. Много помельче. Особыми талантами не обладаетъ, кромѣ одного качества, да и то секретнаго свойства, хотя и засвидѣтельствованнаго оффиціально. Свободенъ, холостъ, обезпеченъ, „себѣ господинъ, монашескимъ извѣстенъ поведеньемъ“, словомъ,—завидный женихъ.

Г.

Гольденвейзеръ А. С. Фамилія эта въ переводѣ съ нѣмецкаго на россійскаго діалектъ означаетъ „златоуказатель“, „златовѣдецъ“. Обладатель ея изобильно снабженъ различными полезными знаніями, пройдя продолжительную житейскую, практическую школу на службѣ по желѣзнодорожному вѣдомству. Вдохновляемый и направляемый высокимъ примѣромъ старшихъ чиновъ іерархической лѣстницы приснопамятныхъ И. А. Вышеградскаго и А. К. Кривошеина и, нынѣ благополучно здравствующаго С. Ю. Витте. Если вѣрно изрѣченіе: любятъ то, что знаютъ хорошо, то значеніе фамиліи— „златовѣдецъ“ весьма отвѣчаетъ характеру ея носителя.

Гурляндъ И. Я. Юркій и вертлявый южанинъ, годный, что называется на всѣ руки. Можетъ и комедіи сочинять и диссертаціи изготовлять по спорной наукѣ „Полицейскаго права“ и начальству угождать въ званіи чиновника для „всякихъ“ порученій. „Въ немъ Загорѣцкій не умретъ“... Проявилъ блестящія способности по части „чтенія въ сердцахъ“ и по части популяризаціи „прикладныхъ знаній“. Знаменитъ сотрудничествомъ съ первостепенными талантами этого рода: М. А. Липинскимъ, по составленію записокъ о мѣстномъ самоуправленіи для С. Ю. Витте; съ Б. В. Штюрмеромъ по „розыскной“ ревизіи тверского земства; съ Гурьевымъ по „бутербродно-освѣдомительному бюро“, съ проф. Никольскимъ по чтенію юнкерамъ лекцій о „незыблемости основъ“.

Д.

Дмитріевъ Н. А. Премьеръ ростовскаго уѣзднаго земства. Добрая душа. Рубаха-парень. Но не безъ лѣнцы и — неряха — спустя рукава. Былъ когда-то неизвѣстно зачѣмъ съ визитомъ у негуса въ Абиссиніи, но въ настоящее время придерживается направленія отнюдь не абиссинскаго, а скорѣе западно-европейскаго.

Доводчиковъ К. К. Старѣйшій земскій врачъ въ губерніи. Получилъ всероссійскую извѣстность проектомъ своимъ поголовнаго осмотра населенія въ цѣляхъ борьбы съ „дурною болѣзнью“, а также своими популярными брошюрами, написанными для большей удобопонятности въ „сѣрой“ и „невѣжественной“ средѣ особымъ языкомъ, — смѣсью жаргона поволжскихъ крючниковъ и торговцевъ Щукина рынка, сдобренной остроуміемъ письмовника Курганова.

XXX.

ИЗЪ ДУМСКИХЪ РАЗГОВОРОВЪ.

Крушеванъ. (Обращаясь къ мужичку).

— Вотъ, дяденька, теперь ты—депутатъ,
На креслѣ кожаномъ сидишь со славой
И видѣть здѣсь тебя я очень, очень радъ—
Вѣдь ты навѣрно „правый“?

Мужичекъ.

— Мы, значитъ, „правые“... Какъ правому не быть,
Когда велѣли дѣлать все по чести
Робята грили мнѣ безъ лести,
Коль буду я „не правъ“,—такъ лучше и не жить.

Пуришкевичъ.

— Такъ, милый, такъ... Тебѣ мы очень рады,
Садися ближе къ намъ, мы за тебя горой,
Воротишься въ деревню, какъ герой,
И не оставимъ безъ награды...

Мужичекъ.

— Награда—што, на эфто—наплевать!
Мы не привыкли къ нимъ, на нашу долю
Лишь было-бъ что почавкать, пожевать...
А вы за што? За землю и за волю?

(Пуришкевичъ и Крушеванъ исчезаютъ и на ихъ мѣсто появляется епископъ Платонъ).

Еп. Платонъ.

— Что, чадо грѣшное? О чемъ ты говоришь?—
Вѣдь собственность священна всѣмъ издавна.

Мужичекъ. (Перебивая).

— Святой владыко! Намъ-то, значитъ,—шишь?
Пойду на лѣвую, тамъ, баютъ, очень славно.

(Уходитъ. Епископъ остается въ позѣ съ поднятыми къ небу глазами, какъ-бы хочетъ произнести — „И ты — Брутъ“).

Ив. Большой.

Медальоны.

II.

Старый, лысый, толстопузый,
Безбородый, какъ евнухъ;
Въ нѣдрахъ „Русскаго союза“
Породившій злобы духъ;
Ненавистнаго раздора
Развернувшій мрачный стягъ,
Лучшій другъ Иліодора,
Просвѣщенья лютый врагъ.
Черносотенныхъ авгуровъ
Вдохновитель вотъ ужъ годъ!
Это—докторъ Самодуровъ,
Знаменитый „патреотъ“.

Ст. Гр.

Цѣна 5 коп.

-50
4710

НАШИ ТИПЫ!

Л
76-3
„Книга"
МАГАЗИН

Ярославль, Тип.-лит. насл. Э. Г. Фальнъ. Ред.-изд. В. Г. Купріяновъ.